

Анна Шилд
Ада Огнева

ОХОТА БОССА НА СТРОПТИВУЮ

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Охота босса на строптивую

<https://litres.ru/74515538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полина Романова не привыкла молчать, даже когда перед ней самый влиятельный человек в комнате. Кирилл Ханский не привык прощать публичные вызовы. После их столкновения он предъявляет ультиматум: тридцать дней под его личным контролем в обмен на спасение семьи. Полина согласится на условия, но удобной пленницей не станет. А Ханский слишком явно наслаждается её сопротивлением. За роскошью пентхауса и дорогими подарками скрывается пари, о котором она не знает. И чем ближе последний день сделки, тем дороже может обойтись одно признание.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Шилд

Охота босса на строптивую

Охота босса на строптивую

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Папка финансового аудита врезалась в полированную поверхность стола с таким звуком, будто в закрытом помещении выстрелили из крупнокалиберного карабина.

Тяжелая телячья кожа скользнула по двенадцатиметровой плите черного гранита Nero Marquina, сшибла хрустальный бокал и замерла у локтя вице-президента по строительству. Вода хлынула на бумаги темной лужей, но пожилой строитель даже не шелохнулся — только глубже втянул голову в плечи, уставившись в сложенные замком пальцы.

Следом на мокрый камень шлепнулся утренний выпуск газеты «Ведомости». На первой полосе, прямо под строгим логотипом издания, жирным черным шрифтом полыхал заголовок:

«"Ханский Холдинг" замораживает флагманский кластер "Монблан": перенос сроков на полгода, дефекты фундамента и кассовый разрыв в четыре миллиарда».

В зале заседаний на сорок девятом этаже башни «Ханский Плаза» повисла мертвая тишина. За панорамным бронированным остеклением шелестела сырая сентябрьская морось, стирающая в серую кашу силуэты соседних высоток Сити. Двенадцать директоров департаментов сидели неподвижно, боясь сделать лишний вдох. В воздухе, охлажденном климат-контролем до девятнадцати градусов, пахло липким

страхом и надвигающейся казнью.

Потому что у торца стола на ногах стоял сам Кирилл Владимирович Ханский.

Он снял пиджак. Темно-серый камвольный жилет туго обтягивал разворот тяжелых, тренированных плеч и широкую грудную клетку. Белоснежная сорочка была расстегнута на две верхние пуговицы, открывая бронзовую, тронутую южным загаром кожу мощной шеи. Ханский не кричал. За десять лет управления многомиллиардной девелоперской империей он ни разу не повысил голос на подчиненных — ему не требовалось орать, чтобы ломать людей об колено.

Его баритон звучал негромко, густо, с бархатной хрипотцой, от которой в висках пульсировало тупое давление:

— Семьдесят миллионов рублей.

Ханский медленно провел ладонью по гранитным желвакам трехдневной щетины на квадратной челюсти. Его obsidianовые, непроницаемо-черные глаза скользнули по замершим топам, как прицел снайперской винтовки:

— Ровно столько наш холдинг перечислил за эксклюзивный медиа-пакет сопровождения старта продаж «Монблана». И сегодня с начала утренних торгов котировки наших облигаций рушатся на четыре с половиной процента. Потому что какой-то криворукий идиот слил в печать сырой драфт со служебными записками двухмесячной давности.

Ханский уперся кулаками в полированный гранит, нависая над столом. Мышцы на его мощных предплечьях взду-

лись под тонкой тканью сорочки:

— Я жду фамилию. Имя человека, который подписал этот релиз в печать.

За столом никто не шевельнулся. Финдиректор Селезнев судорожно протирал очки шелковым платком, боясь поднять глаза.

И тут со своего места вальяжно, с демонстративной неторопливостью подался вперед первый вице-президент Вадим Коршунов. В безупречно посаженном темно-синем костюме от Brioni, с шелковым платком в нагрудном кармане и тяжелыми золотыми часами на холеном запястье, он выглядел единственным человеком, кого не парализовала аура генерального. На его губах играла тонкая ядовитая усмешка.

— Кирилл Владимирович, — мягко, с деланным сожалением заговорил Коршунов, крутя между пальцами массивную золотую ручку Montblanc. — Ситуация действительно катастрофическая. Я поднял логи корпоративной почты еще в семь утра. Утечка произошла не из дирекции строительства. И не от финансистов.

Коршунов выдержал театральную паузу и повернул холеное лицо к дальнему концу стола — туда, где за приставными креслами сидела рабочая группа департамента внешних коммуникаций:

— Виновник — сектор внешних связей и PR. Возглавляемый Полиной Сергеевной Романовой.

В дальнем ряду раздался сдвленный всхлип. Девятнадца-

тилетняя ассистентка Катя, сидевшая по правую руку от Полины, сжалась в комок и спрятала лицо в ладонях. Рядом с ней побледнела Лера, комкая в пальцах пластиковый бейдж.

Коршунов продолжал вбивать гвозди:

— Полина Сергеевна лично курировала вычитку дrafта. Однако вчера вечером проявила недопустимую халатность. Не проверив кадастровые правки и обновленный график нулевого цикла, она отправила сырой файл редактору «Ведомостей» прямо перед закрытием полосы. Результат — на первой полосе. Репутационный ущерб холдинга исчисляется десятками миллионов. Приказ об увольнении Романовой по статье за неоднократное грубое нарушение и разглашение конфиденциальных сведений уже готов. Ее ассистенток мы также рассчитаем до конца дня без выходного пособия. Документы требуют только вашей резолюции, Кирилл Владимирович.

Тишина в зале стала осязаемой, как толща ледяной воды. Все взгляды скрестились на Полине.

Она сидела в самом конце стола, прямая, как натянутая струна. Строгий серый костюм-двойка сидел на ней безупречно, подчеркивая тонкую талию и хрупкие, но гордо расправленные плечи. Белая шелковая блузка с высоким воротником была застегнута под самое горло, оттеняя матовую бледность кожи. Темно-каштановые волосы с медным отливом были уложены в строгий узел на затылке, открывая изящную шею, на которой с бешеной частотой билась тонкая

синяя жилка.

Полина встретила взгляд Коршунова. Под столом Катя вцепилась в край его жакета. Полина накрыла пальцы стажерки ладонью, разжала их и придвинула к себе планшет. Пусть теперь попробует повторить обвинение, глядя на письмо.

Металлические ножки кресла со скрежетом вспороли тишину. Полина резко поднялась во весь свой рост. Сто семьдесят два сантиметра природной грации плюс тонкие шпильки — она стояла перед советом директоров, готовая принять бой против всего мира.

— Вадим Николаевич, — Полина повернула к нему план-

шет с открытым письмом; Коршунов перестал крутить ручку. — Свой приказ об увольнении вы можете свернуть в трубочку и лично скормить офисному шредеру. Вместе с вашим лживым отчетом.

Коршунов поперхнулся воздухом. Его холеное лицо моментально пошло багровыми пятнами:

— Романова! Вы забываетесь! Сядьте на место и замолчите!

— Я не сяду, — отрезала Полина, не повышая тона, но вбивая каждое слово намертво. — И затыкать мне рот вы не имеете права. Мои девочки трое суток не выходили из офиса, вычищая ваш собственный управленческий бардак. И вы прекрасно знаете, кто на самом деле отправил файл в редакцию.

Полина коснулась экрана планшета и резким взмахом пальца смахнула документ на центральный дублирующий проектор зала. На огромной стеклянной панели вспыхнул скриншот письма, которое утром переслал ей редактор вместе с вопросом: почему руководство запретило правки пиар-службы?

— Время отправки — ноль часов сорок пять минут ночи. Почтовый адрес отправителя — личный ящик вице-президента Коршунова. Текст письма: «Срочно в номер, эксклюзив от руководства, верстать без изменений и правок пиар-службы». Вы лично переслали старый черновик, потому что хотели повесить на себя лавры перед Ханским! А когда

поняли, что сели в лужу с кадастровыми номерами второй очереди, решили прикрыться двумя девчонками-стажерками и повесить на нас служебную халатность?!

В зале заседаний воцарился паралич. Селезнев едва не выронил очки. Никто за всю историю холдинга не смел так разговаривать с первым вице-президентом в присутствии Ханского.

Коршунов вскочил, опрокинув свой блокнот:

— Это подделка! Кирилл, ты позволишь этой соплячке...

— Заткнись, Вадим, — ледяной рокот Ханского оборвал зама, как удар топора.

Кирилл медленно оторвал кулаки от гранита и выпрямился.

Его лицо застыло базальтовой маской. Обсидиановые глаза сузились, превратившись в две узкие щели, из которых сочилась первобытная тьма. Он не смотрел на Коршунова. Его взгляд был намертво прикован к Полине Романовой.

Ханский медленно двинулся вдоль стола. Шаг за шагом. Глухой, тяжелый стук подошв его оксфордов отдавался в висках Полины ударами набата. Он обогнул угол стола и остановился прямо перед ней.

Расстояние между ними сократилось до тридцати сантиметров. Полина запрокинула голову. Рост Ханского — метр девяносто, косая сажень в плечах, тяжелая челюсть, жесткая темная щетина. Он заслонил собой свет панорамного окна, потолочных спотов, весь окружающий мир.

От него пахло опасностью: швейцарским табаком, горьким сицилийским бергамотом, жженым черным перцем и раскаленным мужским телом. Этот запах ударил ей в ноздри, заставляя внутренности сжаться в тугой, пульсирующий узел.

Кирилл чуть наклонился к ней. В глубине его черных зрачков плясали огни охотничьего азарта:

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделала, Романова? — его баритон опустился почти до шепота, но этот шепот оставил на ее коже волну ледяных мурашек. — Ты только что публично поставила под сомнение мою вертикаль власти. Ты посмела лаять на совет директоров.

Полина почувствовала, как пересохло во рту, но стальной стержень внутри нее не согнулся ни на миллиметр. Она расправила плечи, глядя прямо в черную бездну его глаз:

— Я не лаю, Кирилл Владимирович. Я констатирую факты. А если генеральный директор строит свою вертикаль на трусливых доносах фаворитов и готов растоптать людей, которые за него пашут сутками, — грош цена такой вертикали.

В зале кто-то судорожно сглотнул. Воздух между их лицами наэлектризовался так, что, казалось, посыплется синие искры.

Челюсти Ханского сжались с глухим хрустом. Желваки на его щеках заходили ходуном. Его взгляд медленно скользнул по ее лицу — по изгибу тонких бровей, по приоткрытым, дрожащим от ярости губам, по пульсирующей венке

на белой шее. В глубине его хищного взора ледяное бешенство внезапно окрасилось тяжелым, густым, собственническим интересом.

— Ты вылетишь из профессии, Романова, — медленно, раздельно произнес он, обжигая ее щеку своим горячим дыханием. — Твое резюме внесут в черный список каждого холдинга и рекламного агентства в стране. Тебя не возьмут даже перекладывать бумажки в архиве на окраине Твери. Ты будешь умолять меня о рекомендации.

Полина усмехнулась — горько, дерзко, прямо ему в лицо: — Зато я останусь с чистыми руками и чистой совестью, Кирилл Владимирович. Мое заявление об уходе по собственному желанию будет лежать в приемной через двадцать минут. Рассчитайте меня и моих сотрудниц до конца рабочего дня. И мы навсегда забудем о существовании друг друга.

Ханский замер. Ни одна женщина в его жизни — от дочерей министров до подиумных топ-моделей — не смела смотреть на него с таким вызовом и презрением. Все они искали его взгляда, стелились шелком ради его внимания или его чековой книжки. А эта девчонка стояла перед ним с высоко поднятым подбородком, готовая сгореть дотла, но не опустить голову.

В груди Кирилла зверь расправил когти. Он резко выпрямился и бросил залу ледяной приказ:

— Все вон. Заседание окончено.

Директора вскочили с мест, спеша покинуть переговорную.

Ханский развернулся к выходу, но у самых дверей бросил Полине через плечо — тяжело, властно, не терпя возражений:

— Никаких заявлений ты подавать не будешь, Романова. Ты остаешься на сорок девятом этаже до моего личного распоряжения. Попробуешь выйти из башни — служба безопасности заблокирует турникеты. Сиди и жди. Я еще с тобой не закончил.

Глава 2

Тяжелая позолоченная гильотина отсекала кончик кубинской сигары с сухим, безжалостным щелчком, похожим на звук взводимого курка.

В полумраке курительной комнаты закрытого клуба «Монтекристо» на Знаменке царила глухая тишина. Стены из мореного кавказского дуба поглощали звуки столицы. Сквозь темно-бордовый бархат штор едва пробивался серый свет дождливого дня, уступая теплему янтарному сиянию низких ламп с зелеными абажурами. Пахло кожей диванов Chesterfield, старым каминным пеплом, дорогим дубовым бурбоном и густым табачным дымом.

Кирилл Ханский сидел в глубоком кожаном кресле, вытянув длинные ноги. Пиджак был небрежно брошен на спинку дивана, жилет расстегнут, а тонкая белая ткань сорочки на широкой груди натянулась от размеренного дыхания. Чиркнула длинная кедровая лучина. Кирилл поднес язычок пламени к срезу сигары Partagas Serie D No. 4, неспешно поворачивая ее кончиками пальцев, пока темно-коричневый скрученный лист не затлел ровным вишневым кольцом.

Первая затяжка. Плотное сизое облако поднялось к кессонному потолку.

Напротив него, за столиком из черного мрамора, расположился Вадим Коршунов. В его пальцах тихо позвякивал тя-

желый хрустальный рокс, в котором янтарная волна бурбона Woodford Reserve омывала кубики льда. На лице Коршунова блуждала тонкая, едкая улыбка человека, точно знающего, куда ударить больнее.

— Ты ведь понимаешь, Кирилл, как это выглядело со стороны? — протянул Вадим, сделав глоток. — В зале сидели двенадцать ключевых топов. Люди, которые распоряжаются миллиардными бюджетами и дрожат от одного твоего взгляда. И прямо перед ними девчонка из пиар-отдела вытерла об тебя ноги. Прилюдно. С оттяжкой.

Челюсти Ханского сжались, перемалывая дым. Взгляд обсидиановых глаз стал тяжелым, как свинцовая дробь:

— Она защищала своих стажеров, — глухо бросил Кирилл. — И вскрыла твой собственный провал, Вадим. Ты отправил сырой драфт в редакцию с личного ящика в полночь. Думал, я не проверю логи сервера?

Коршунов поморщился, но даже не смутился:

— Ой, брось. Да, я хотел ускорить публикацию, ошибся с таблицей — с кем не бывает? Но дело не во мне, Кирилл. Дело в ней. Ты видел ее глаза? Она ведь даже не испугалась, когда ты подошел вплотную. Ни на полшага не отступила. Стояла, вздернув подбородок, как гребаная Жанна д'Арк на костре. Красивая, зараза. Эти зеленые глаза, талия, которую можно обхватить ладонями, кошачья грация... Но ледяная до одури. Из породы идейных недотрог. Она на дух не переносит таких, как мы. Для нее мужчина с деньгами — априори

враг и грязь под каблуком. Ты привык, что бабы вроде Стеллы Варламовой заглядывают тебе в рот и прыгают в твою постель по первому щелчку за кольцо от Graff. А Романова на твои миллиарды плюнет и разотрет.

Ханский медленно выпустил струю дыма прямо в лицо своему заместителю:

— У каждого человека есть уязвимость, Вадим. И у каждого есть цена. Ее гордость — это просто фасад. Достаточно надавить на правильную точку — и замок рассыплется в прах.

— Не у нее, — с вызовом парировал Коршунов, подаваясь вперед. Его глаза загорелись азартным огнем. — Я знаю таких женщин. Она скорее пойдет работать официанткой или уедет в провинцию за копейки, чем позволит тебе прикоснуться к ней пальцем. Ты для нее — чудовище. Она тебя презирает, Кирилл. Ты не затащишь Полину Романову в свою постель даже за год.

Слова вице-президента хлестнули по обнаженному мужскому эго Ханского, как сыромятный кнут.

Внутри Кирилла вскипела темная, горячая волна. Всю свою жизнь он брал то, что хотел. Никто и никогда не смел говорить Кириллу Ханскому слово «нет». Женщины сдавались ему без боя, плененные его силой, богатством и харизмой. А воспоминание о том, как Полина стояла перед ним сегодня утром — хрупкая, яростная, с пылающими изумрудными глазами и пульсирующей венкой на мраморной шее —

обожгло его изнутри.

Ее запах: тонкий аромат белой фрезии, горького цитруса и чистого тела, пробивавшийся сквозь духоту переговорной.

Ханский опустил сигару в хрустальную пепельницу, взял свой тумблер и одним глотком осушил бурбон:

— Год? — голос Кирилла опустился до низкого, вибрирующего рокота. — Ты плохо меня знаешь, Вадим. Мне не нужен год.

— Да неужели? И сколько же тебе нужно, великий охотник? Три месяца? Полгода?

— Ровно тридцать календарных дней, — отчеканил Ханский. Каждое его слово падало в тишину, как тяжелая гиря. — Ровно через месяц, день в день, Полина Романова будет жить в моем пентхаусе на пятьдесят четвертом этаже. Она будет делить со мной постель. И сделает это абсолютно добровольно. Сама придет ко мне в руки.

Коршунов замер, ошарашенно уставившись на шефа:

— Ты бредишь, Кирилл. Месяц?! На недотрогу, которая при всем совете послала тебя к черту?! Ты сошел с ума от мании величия.

— Спорим? — коротко бросил Ханский, глядя на него в упор.

Коршунов медленно поставил бокал на мрамор:

— На что спорим? На бутылку твоего коллекционного Macallan?

— На твой пакет в двадцать пять процентов в марине «Ак-

ватория», — безжалостно отрезал Кирилл.

Коршунов поперхнулся воздухом:

— Что?! Двадцать пять процентов нового яхтенного кластера в Имеретинке?! Это двадцать миллионов евро рыночной стоимости!

— Ты же утверждаешь, что я проиграю, — хищно усмехнулся Ханский, обнажая ровные зубы. — Чего ты боишься, если Романова из кремня? С моей стороны — миллион долларов наличными на твой счет. Плюс мой новый катер Riva Rivamare, который придет с верфи через две недели. Он стоит еще полтора миллиона. Ставка принята, Вадим? Или ты только языком чесать горазд?

Лицо Коршунова дернулось. В его глазах вспыхнул сумасшедший блеск. Заполучить миллион долларов кэшем и роскошную Riva — куш, от которого невозможно отказаться.

— Принята, черт тебя дери, — хрипло выдохнул Вадим. — Но с условием: никакого физического насилия. Женщина должна прийти к тебе сама, по доброй воле. Никаких препаратов и запертых подвалов.

— Я никогда не брал женщин силой, — презрительно скривил губы Ханский. — Они всегда просят добавки сами.

Коршунов достал из кармана массивную ручку Montblanc из черной смолы с золотым пером. На столике не было бумаги, кроме стопки тяжелых тисненых тканевых салфеток клуба с золотым гербом «Монтекристо». Вадим усмехнулся, расправил салфетку ладонью и размашистым почерком вы-

вел условия:

«ПАРИ: ОХОТА НА СТРОПТИВУЮ. Стороны соглашения: К. В. Ханский и В. Н. Коршунов. Срок действия: 30 календарных дней (с вечера 22 сентября до вечера 22 октября). Предмет пари: Добровольное согласие Полины Сергеевны Романовой на совместное проживание в апартаментах К. В. Ханского и вступление с ним в близкие романтические и интимные отношения. Ставки сторон: — К. В. Ханский ставит 1 000 000 (один миллион) долларов США наличными и моторную яхту Riva Rivamare. — В. Н. Коршунов ставит 25% (двадцать пять процентов) доли участия в ООО "Марина Акватория". Условие: Согласие объекта пари должно быть получено без применения прямого физического насилия или фармакологических средств».

Коршунов поставил жирную роспись и протянул ручку Кириллу:

— Твой ход, охотник. Подпиши свой приговор.

Ханский взял ручку. Его пальцы были абсолютно твердыми. Он скользнул взглядом по строчкам на белой ткани и размашисто поставил фирменную подпись, напоминающую удар клинка. Чернила мгновенно впитались в хлопковую ткань.

Кирилл взял салфетку, аккуратно сложил ее вчетверо и спрятал во внутренний карман пиджака — прямо к левой стороне груди, у самого сердца.

— Время пошло, Вадим, — произнес Ханский, поднима-

ясь из кресла. Рост в метр девяносто снова превратил комнату в тесную клетку. — Заказывай столик в Сочи на двадцать второе число. Будешь оформлять передачу доли.

Коршунов захохотал, опрокидывая остатки бурбона:

— Посмотрим, Кирилл! Ох, посмотрим, как ты запоешь через неделю, когда эта недотрога швырнет тебе твой миллион прямо в морду!

Ханский не ответил. Он накинул пиджак на широкие плечи и вышел из курительной. На столике остался телефон Коршунова: тот остановил запись спора и отправил копию Кириллу. Чтобы победитель потом не переиначил условия.

Его лицо было непроницаемым, но в глубине зрачков полыхал хищный огонь. Игра началась. И он уже знал, какой рычаг повернет первым, чтобы запереть эту гордую птицу в золотую клетку.

Глава 3

Часы на настенной панели над зоной ресепшен бесшумно перещелкнули цифры: 21:14.

На сорок девятом этаже башни «Ханский Плаза» царил полумрак. Основной свет давно погасили, и гигантский орен-спаре департамента коммуникаций казался вымершим стеклянным лабиринтом. Десятки пустых столов, черные мониторы и бесконечные ряды панорамных окон, за которыми в сырой тьме пульсировала огнями ночная Москва. Дождь хлестал по стеклу сотнями косых струй, размывая огни Кутузовского проспекта в светящиеся реки.

Полина стояла у своего стола, чувствуя, как от усталости и нервного истощения гудят ноги.

Она провела в этом стеклянном склепе почти одиннадцать часов. Блокада была абсолютной: в два часа дня, когда она попыталась спуститься на первый этаж с заявлением об уходе, турникеты на проходной ответили противным красным зуммером. Старший смены охраны даже не моргнул: «Полина Сергеевна, распоряжение генерального директора. Ваш пропуск временно ограничен в праве выхода из здания до завершения служебного аудита». В отделе кадров пожилая начальница лишь развела руками, пряча глаза: «Деточка, я без визы Кирилла Владимировича даже справку для бассейна не подпишу. Жди его решения».

Полина вздохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах, и опу-

стила на дно картонной коробки блокнот в кожаной обложке.

Следом отправились две флешки с личными макетами, упаковка леденцов и ее любимая фарфоровая кружка с надписью «Don't Panic» — подарок младшего брата на прошлый день рождения. Последним она взяла в ладони глиняный горшочек с круглой зеленой мамиллярией — этот кактус прожил на ее подоконнике два года, пережив все авралы.

Она больше не останется здесь ни секунды. Плевать на их трудовую книжку. Она заберет свои вещи и выйдет через пожарный выход, если понадобится.

Внезапно в коридоре раздался глухой, резкий хлопок.

Двойные створки приемной распахнулись от мощного толчка, с тихим свистом ударившись о фиксаторы на стенах. Полина замерла, сжимая бортики коробки. По полированному граниту эхом прокатились тяжелые, размеренные шаги.

В проеме возник Кирилл Ханский.

Он был без пиджака и без галстука. Белоснежная сорочка была расстегнута на три верхние пуговицы, обнажая рельефные ключицы и бронзовую шею с темными волосками. Рукава были закатаны до самых локтей, открывая массивные предплечья с канатами вен и рельефом литых мышц. В правой руке он держал тяжелую черную папку из плотной кожи на металлической молнии.

От него исходила концентрированная волна сырой, хищной мужской энергии. Запах дорогого табака, горького перца и выдержанного дубового виски заполнил приемную, вытес-

няя запах дождя и офисной пыли.

Ханский не спеша приблизился к ее столу. В полумраке его глаза казались черными колодцами.

Полина выпрямилась, расправив плечи. Подбородок вздернут, изумрудные глаза горят сухим огнем:

— Вы нарушаете закон, Кирилл Владимирович. Статья сто двадцать седьмая — незаконное лишение свободы. Охрана заблокировала мой пропуск по вашей указке.

Ханский остановился в метре от нее. Его взгляд медленно скользнул по ее фигуре: по тонкой шее, по высокой груди, вздымающейся под белым шелком блузки от прерывистого дыхания, по узкой талии и бедрам.

— Лишение свободы? — его низкий баритон прозвучал насмешливо. — Какая юридическая грамотность, Романова. А я думал, ты всего лишь специалист по связям с общественностью.

— Отдайте мои документы и отмените блокировку, — ледяным тоном отчеканила Полина. — Я не намерена проводить в вашей башне еще хоть минуту. Я уволилась.

Кирилл чуть склонил голову. На его губах с темной щетиной мелькнула хищная усмешка.

Он положил кожаную папку на край стола, потянул картонную коробку на себя. Полина удержала ее за бортик, но картон смялся в пальцах. Ханский забрал коробку, развернулся и одним небрежным движением перевернул ее над высокой металлической корзиной для бумаг.

Раздался глухой стук.

Фарфоровая кружка «Don't Panic» с сухим звоном раскололась на острые черепки о стальное дно. Горшочек треснул, рассыпая черную землю. Зеленый кактус сиротливо уткнулся колючками в обломки ручки.

У Полины перехватило дыхание:

— Что вы делаете?! Вы с ума сошли?!

— Ты никуда не уходишь, Романова. — Ханский бросил пустую коробку следом в мусор. Полина смотрела на разбитую кружку, пока он продолжал: — Твоя карьера в моем холдинге только начинается.

Бешеная, слепая ярость накрыла Полину с головой. Она схватила со стола сумочку и рванулась вперед, пытаясь обойти его справа и выбежать в двери:

— Пошел к черту, психопат!

Она не успела сделать и двух шагов.

Ханский среагировал с нечеловеческой, кошачьей скоростью. Его рука метнулась вперед, тяжелая ладонь сомкнулась вокруг ее запястья стальным капканом. Резкий рывок на себя — мир качнулся, каблуки туфель соскользнули по граниту.

Прежде чем она успела вскрикнуть, Кирилл развернул ее и со всего размаха впечатал лопатками в панель из полированного мореного дуба.

Глухой удар дерева отдался в позвоночнике. Сумочка упала на пол.

Полина задохнулась от боли и шока. Ханский шагнул вплотную, вдавив ее в стену всем массивом своего стодевяностосантиметрового тренированного тела. Его широкая грудь прижалась к ее груди, пробивая тонкий шелк блузки бешеным жаром. Его правая рука уперлась в дубовую панель прямо над ее головой, а левая ладонь легла на стену на уровне талии, намертво запирая ее в капкан из мышц, стали и сухого жара.

Между их лицами оставалось не больше пяти сантиметров. Полина чувствовала кожей его раскаленное дыхание. В ноздри ударил густой коктейль: горький цитрусовый бергамот, табачный лист, черный перец и чистый мужской мускус. От этой близости у нее закружилась голова, а сердце заколотилось с панической силой.

— Пусти... — выдохнула она, пытаясь упереться ладонями в его грудь. Ее пальцы уткнулись в твердые, как броня, мышцы под тонкой сорочкой. Ткань под ее руками была горячей, словно металл на солнце. Ханский даже не шелохнулся. — Убери руки, ублюдок... Не смей ко мне прикасаться!

Кирилл чуть опустил подбородок, заглядывая прямо в ее мерцающие изумрудные зрачки:

— А то что, Романова? — его баритон стал совсем тихим, бархатным, вибрирующим у ее губ. — Закричишь? Позовешь на помощь? Сорок девятый этаж пуст. Вся башня пуста. Здесь есть только ты и я. И пока я не разрешу тебе дышать — ты не сделаешь ни единого вдоха.

Полина замерла, судорожно сглотнув. Вся ее кожа покрылась обжигающими мурашками. В глубине живота, вопреки ярости и здравому смыслу, предательски вспыхнул темный, пугающий жар. Тело реагировало на абсолютное доминирование этого мужчины.

— Чего ты хочешь от меня? — прошептала она пересохшими губами. — Зачем этот цирк? Дай мне уйти!

— Уйти? — Ханский хрипло усмехнулся. В его глазах полыхнул хищный триумф. — Нет, строптивая. Ты мне нужна здесь. И очень покорной.

Он убрал ладонь со стены, взял со стола черную кожаную папку, расстегнул молнию и вытащил плотный лист гербовой бумаги с синими печатями. Прижал его к панели перед ее глазами:

— Давай поговорим о твоей семье, Полина. О твоём любимом младшем брате. Денис Сергеевич Романов, девятнадцать лет. Студент второго курса Бауманки. Мечтатель.

Сердце Полины пропустило удар и рухнуло в пустоту:

— При чем здесь Денис?.. Что ты с ним сделал?!

— Я? Ничего, — Кирилл коснулся пальцем текста на бумаге. — Твой братец сам все сделал. Вчера ровно в четырнадцать ноль-ноль Денис подписал договор займа на закупку серверных стоек для своего мертворожденного стартапа. В микрофинансовой компании «Апекс». Сумма займа — ровно пять миллионов рублей.

Полина затрясла головой:

— Нет... Он не мог. У него нет таких денег, он бы никогда не взял...

— Конечно, у студента нет таких денег, — безжалостно перебил Ханский. — Поэтому он оформил заем под залог единственной ценности, к которой имел доступ по генеральной доверенности от матери. Под залог трехкомнатной квартиры на Соколе. Той самой, в которой сейчас мирно пьет чай твоя больная мать-учительница.

В глазах Полины потемнело:

— Ты... ты врешь...

— Читай, — Ханский ткнул пальцем в нижнюю часть листа. — «Апекс» — это закрытая факторинговая дочка моего холдинга. Вексель был выписан с обязательством предоставить безотзывную банковскую гарантию в течение двадцати четырех часов. Срок гарантии истек сегодня в четырнадцать ноль-ноль. Ее нет. Наступил технический дефолт. «Апекс» уже насчитал штрафы и досрочный возврат всех комиссий. Их требование — восемь миллионов четыреста тысяч рублей.

Кирилл убрал лист и заглянул в ее побелевшее лицо:

— Завтра в девять утра люди «Апекса» будут у квартиры на Соколе. Твою мать выставляют на улицу. А в отношении Дениса следственный комитет возбуждает уголовное дело по мошенничеству в особо крупном размере. Это до десяти лет колонии строгого режима. Знаешь, что делают с девятнадцатилетними мальчиками на строгом режиме, Полина?

— Замолчи! — сорвалась на крик Полина, и по ее бледным щекам покатались обжигающие слезы бессильной ярости. Она попыталась ударить его кулаком в плечо. — Замолчи, тварь! Ты чудовище! Ты специально подстроил это! Твои люди втянули его!

Ханский перехватил ее кулак своей ладонью, сжал пальцы и прижал ее руку к своей груди — туда, где под шелком сорочки тяжело билось сердце:

— Какая разница? Капкан захлопнулся, Романова. Твой брат в петле. И затянуть ее могу только я. Или ослабить.

Он достал из папки второй документ — бланк с гербом «Ханский Холдинг» — и толкнул в ее пальцы тяжелую перьевую ручку:

— Дополнительное соглашение к твоему контракту. Перевод на должность личного специального помощника и пресс-секретаря генерального директора. График работы — круглосуточный, двадцать четыре на семь. Сопровождение во всех поездках, встречах и неформальных раутах.

Кирилл наклонился еще ближе. Его губы почти коснулись влажной дорожки слезы на ее скуле:

— И главное условие, Романова. На время действия соглашения ты переезжаешь жить в мой пентхаус на пятьдесят четвертом этаже. Будешь находиться под моим личным контролем на расстоянии вытянутой руки. Срок соглашения — ровно тридцать календарных дней. До вечера двадцать второго октября.

Полина задохнулась от унижения. Ее всю колотило дрожью:

— Ты хочешь сделать из меня свою карманную игрушку?..
Купил меня за долг брата?!

В черных глазах Ханского сверкнула сталь:

— Мне нужны не игрушки, Романова. Мне нужна твоя покорность. Ты будешь рядом. Будешь выполнять любые мои приказы. А я взамен прямо сейчас подпишу приказ о заморозке всех долговых требований к твоему брату и остановлю взыскание по квартире. Ровно на тридцать дней.

Тишина звенела, как натянутая струна. Полина стояла, прижатая его телом к стене, и чувствовала, как рушится вся ее жизнь. Гордость требовала бросить ему ручку в лицо, но перед глазами стояло лицо матери с больным сердцем и лицо Дениса — наивного мальчишки, которого раздавят в тюрьме.

У нее не было выбора. Ханский рассчитал все с безупречной жестокостью.

— Я ненавижу тебя, — ее голос сорвался на хриплый шепот, полный яда и слез. — Слышишь меня, Ханский? Я ненавижу каждую каплю твоей крови.

— Ненавидь, — на его губах расцвела победная усмешка. — Главное — подпиши.

Полина прижала трясущиеся листы к дубовой панели. Ее пальцы едва слушались, перо царапало плотную бумагу, оставляя кривую подпись в трех экземплярах.

Как только последняя закорючка легла на бланк, она со

всей силы швырнула эти листы прямо в лицо Ханскому:

— Подавись, мразь!

Бумаги ударили его по груди и рассыпались у ног. Кирилл подождал, пока опустится последний лист, наклонился и собрал договор. Полина отвернулась, когда он проверил подписи и убрал листы в папку.

Затем сделал полшага назад, выпуская ее из капкана своего тела.

Полина едва удержалась на ногах, ухватившись за угол стола. Воздух хлынул в легкие, холодный и горький.

Ханский посмотрел на нее сверху вниз — холодный, несокрушимый хозяин положения:

— Завтра ровно в восемь ноль-ноль утра служебный автомобиль будет ждать тебя у подъезда на Беговой. Вещи собери сегодня ночью. И не заставляй меня подниматься к тебе в квартиру лично, Романова. Ты мне дорого обошлась. Я не намерен терять ни одной минуты.

Глава 4

Полина подхватила с пола сумочку и вылетела из приемной.

Она бежала по темному пустому коридору сорок девятого этажа, почти не чувствуя под собой ног. Дробный стук ее каблучков по полированному граниту звучал в ушах, как частый пулеметный огонь. Сердце колотилось в горле, а перед глазами все еще стояло лицо Ханского — его торжествующая усмешка и холодный блеск обсидиановых зрачков.

Она влетела в лифтовой холл и судорожно ударила ладонью по сенсорной кнопке вызова.

Круглый индикатор мигнул золотом. Раздался мягкий перезвон, и тяжелые бронзовые створки разъехались в стороны, приглашая в зеркальную кабину скоростного VIP-лифта. Полина шагнула внутрь и вдавила кнопку первого этажа.

Створки закрылись с глухим свистом пневматики, отрезая ее от сорок девятого этажа. Кабина мягко просела и с нарастающим ускорением сорвалась вниз — семь метров в секунду. От резкого перепада давления на высоте двухсот метров у Полины мгновенно заложило уши.

Она прижалась спиной к поручню из темного никеля и подняла глаза на противоположную стену.

Лифт был обшит панорамными зеркалами с легким бронзовым напылением. В них отражалась незнакомая, чужая женщина.

Полина едва узнала саму себя. Бледное до синевы лицо, на скулах лихорадочно горят два неровных багровых пятна, темно-каштановые волосы выбились из строгого пучка и растрепанными прядями рассыпались по плечам. Верхняя перламутровая пуговица на воротнике шелковой блузки была сорвана с мясом во время их схватки у дубовой панели. Вырез блузки распахнулся, приоткрывая тонкую ключицу.

И прямо там, на мраморно-белой коже, багровела узкая ссадина.

Ссадина от сорванной пуговицы. Во время рывка у стены край воротника впился в кожу, оставив горящую метку.

Полина дрожащими пальцами дотронулась до багрового следа. Кожа под подушечками пальцев пульсировала живым огнем.

Ее всю затрясло крупной, унижительной дрожью. В носу все еще стоял его запах: горький бергамот, жженный перец и табачный лист. Этот запах словно вьелся в ее кожу, пропитал блузку, отравил каждую клетку. И самое страшное — сквозь ненависть и омерзение к его циничному шантажу в глубине ее существа все еще тлела темная, пугающая дрожь от воспоминания о тяжести его тела и звуке его хриплого баритона прямо у ее губ.

«Ты с ума сошла, Романова, — вслух, дрожащим шепотом приказала она себе, кусая губы до крови. — Он чудовище. Он сломал твою жизнь».

Она лихорадочно растегнула молнию сумочки и вытащила свой потерянный телефон. Пальцы едва попадали по экрану. На первом этаже Полина вышла из кабины и остановилась в нише у лифтов. Здесь она набрала номер Дениса.

Гудки тянулись бесконечно долго. На четвертом гудке трубку сорвали:

— Поля?! — голос брата был хриплым, прерывистым, в нем звенел животный ужас. — Поля, это ты?! Скажи, что это ты...

— Денис! — выдохнула Полина, сжимая трубку так,

что побелели костяшки. — Говори мне правду. Сейчас же. Что ты натворил вчера?! Какой заем?! Какая компания «Апекс»?!

В трубке повисла мертвая тишина, сменившаяся судорожным всхлипом девятнадцатилетнего мальчишки:

— Поля... откуда ты знаешь?.. Господи, они уже добрались до тебя?!

— Отвечай мне, Денис! — сорвалась Полина, и слезы снова обожгли ее веки. — Ты заложил мамину квартиру?!

— Поля, я не хотел, клянусь тебе! — Денис зарыдал в трубку, захлебываясь словами. — Ко мне в университет пришел парень с четвертого курса, сказал, что есть инвестиционный фонд, который дает венчурные гранты под стартапы. Мне нужны были серверы для нейросети, Поля! Пять миллионов! Мне сказали, что залог квартиры — простая формальность для отчетности, что через неделю придут венчурные деньги и залог снимут... Я подписал... Я взял мамину доверенность из серванта...

— Идиот... — простонала Полина, прислоняясь лбом к холодной стене. — Какой же ты глупый идиот...

— Поля, сегодня днем все пошло прахом! — брат перешел на полупшепот, срывающийся на визг. — После двух в универ приехали двое. Здоровые, в черных куртках. Зажали меня на лестнице. Показали бумаги... Сказали, произошел сбой банковской гарантии, вексель просрочен. Сказали, если до завтрашнего утра на их счет не ляжет восемь с поло-

виной миллионов — они приедут на Сокол с болгаркой, срежут замки, выкинут маму на улицу, а меня... они сказали, что отвезут меня в лес и переломают ноги, Поля! Я сижу в своей комнате, забаррикадировал дверь шкафом... Что мне делать?!

Полина зажмурилась. Горький ком подкатил к горлу.

Заем существовал. Угрозы тоже. Но как штраф за один день превратился в миллионы, Полина все еще понять не могла. Это предстояло проверить; сейчас ей нужно было хотя бы заставить Дениса отодвинуть шкаф от двери.

Она сжала зубы, заставляя свой голос звучать твердо:

— Слушай меня внимательно, Денис. Никто к вам не придет. Никто не тронет маму. И тебя никто не тронет. Я была у руководства холдинга. Я... я нашла способ урегулировать вопрос. Долг заморожен.

В трубке раздался шумный выдох облегчения:

— Поля... правда?! Ты спасла нас?! Как ты это сделала?..

— Не твое дело, — жестко оборвала его Полина, чувствуя, как внутри все замерзает в лед. — Сиди дома. Не вздумай ничего говорить маме — у нее больное сердце, она не переживет. Если хоть словом обмолвишься — я лично спущу с тебя шкуру. Ты меня понял?

— Понял, Поля... Спасибо тебе...

— Сиди дома, — повторила она и сбросила вызов.

Полина прислонилась затылком к стене. Цена спасения семьи была ясна: тридцать дней в логове чудовища. За углом

ниши лежал колоссальный вестибюль первого этажа башни «Ханский Плаза».

Вестибюль напоминал космический вокзал: огромные колонны из белого каррарского мрамора, полированный пол и стеклянная стена фасада высотой в четыре этажа, за которой хлестал ночной ливень. Холл был совершенно пуст.

Полина расправила плечи, спрятала телефон в сумочку и зашагала к турникетам.

Но стоило ей сделать десять шагов, как из тени мраморной колонны бесшумно выступил человек.

Рост под два метра, короткий седой ежик жестких волос, гранитное лицо с глубокими складками у тяжелого подбородка и стальные, холодные глаза. На нем был строгий черный костюм без галстука и распахнутое кашемировое пальто.

Герман. Начальник службы личной безопасности Кирилла Ханского. Человек-тень, о преданности которого боссу в холдинге шепотом ходили легенды.

Он встал прямо на ее пути и слегка склонил голову:

— Добрый вечер, Полина Сергеевна.

Полина замерла, сжав ручки сумочки:

— Я подписала соглашение, Герман. Пропустите меня. Я имею право поехать домой?

— Безусловно, — невозмутимо отозвался начальник СБ. Его голос был низким и монотонным. — Кирилл Владимирович распорядился обеспечить вас всем необходимым для

исполнения новых обязанностей.

Герман извлек из кармана пальто плоскую металлическую коробку из матового серого титана и протянул ее Полине.

— Что это? — настороженно спросила она.

— Рабочий служебный терминал. — Герман повернул коробку так, чтобы она увидела утопленную кнопку сбоку. — Аварийный маяк с отдельным питанием. Тревогу можно передать даже без сим-карты. В аппарате — защищенная операционная система, спутниковый модуль шифрования, блокировка от несанкционированного доступа. Ваш личный номер с этой минуты переадресован на этот аппарат. Ваша персональная сим-карта деактивирована оператором связи по запросу службы безопасности холдинга.

Полина вспыхнула:

— Вы не имели права блокировать мой личный телефон!

— Пункт четыре точка два дополнительного соглашения, которое вы подписали, — с ледяным спокойствием отчеканил Герман. — Полная информационная безопасность и исключение контактов с неаккредитованными третьими лицами. В аппарате защиты три канала связи: приоритетный вызов Кирилла Владимировича, оперативная линия службы безопасности и кнопка вызова дежурного экипажа.

Герман сделал полшага вперед и вложил тяжелую титановую коробку в ее пальцы. Металл обжег кожу холодом.

— И последнее распоряжение, Полина Сергеевна. Завтра ровно в восемь ноль-ноль утра черный представительский

«Мерседес» S-класса с номером ноль-ноль-один будет ждать вас у торца вашего дома на Беговой. Водитель поднимется за багажом. Опоздание даже на одну минуту будет расценено Кириллом Владимировичем как нарушение условий моратория по долгу вашего брата.

Полина сжала титановый корпус терминала так, что грани впились в ладонь:

— Передайте вашему боссу, что он может купить мою подпись. Но меня он не получит никогда. Он подавится этой охотой.

Лицо начальника службы безопасности оставалось непроницаемым. Лишь в уголках его жестких глаз промелькнуло глухое уважение:

— Кирилл Владимирович не признает легких побед, Полина Сергеевна. Он любит сложные задачи. До завтра. Машина будет подана минута в минуту.

Герман приложил свой мастер-ключ к считывателю турникета. Зеленые створки мягко распахнулись.

Полина вскинула подбородок и быстрым шагом прошла через вертушку. Огромные стеклянные двери выпустили ее на гранитное крыльцо башни.

В лицо ударил ледяной шквал осеннего ветра вперемешку с косыми каплями дождя. Ночной город гудел вокруг чудовищным, равнодушным зверем. Полина стояла на ступенях, сжимая титановый терминал, и смотрела на громады небоскребов. Но внутри ее груди, под багровой ссадиной у ворот-

ника, разгоралось яростное, негибимое упрямство.

Она не сломается. Она выдержит этот чертов месяц. И заставит Кирилла Ханского пожалеть о каждой секунде этой охоты.

А высоко вверху, на сорок девятом этаже стеклянной башни, за панорамным окном в темноте кабинета стоял мужской силуэт.

Кирилл Ханский смотрел вниз, сквозь струи дождя, провозжая взглядом тонкую девичью фигурку, спускающуюся к стоянке такси. В его руке тлела сигара, роняя пепел на гранитный подоконник.

А между пальцами другой руки он медленно, с тягучим наслаждением прокручивал сложенную вчетверо белоснежную салфетку из клуба «Монтекристо» с золотым тиснением и ставкой на миллион долларов.

Ханский усмехнулся в темноту ночного неба — хищно, жадно, предвкушая великую схватку:

— Тридцать дней, Романова... Посмотрим, на сколько дней хватит твоей гордости.

Глава 5

Утренний туман висел над спальным районом липкой серой пеленой. Холодная морось оседала на стеклах припаркованных у подъезда машин, превращая вчерашнюю грязь в скользкое месиво. В семь сорок пять утра выезд со двора на Беговой оказался наглухо заблокирован: длинный угольно-черный бронированный лимузин встал поперек узкого проезда, вынуждая редкие утренние такси нервно сдавать задом в лужи.

Полина толкнула тяжелую железную дверь подъезда. В пальцах левой руки она сжимала ручки простой тканевой сумки с ноутбуком, зарядным устройством и двумя сменными футболками — все, что успела бросить в спешке после бессонной ночи. На ней был ее привычный рабочий костюм: черный строгий жакет из дешевого плотного полиэстера, купленный на сезонной распродаже еще на третьем курсе института, прямые темные брюки и глухая хлопковая рубашка, застегнутая под самое горло на все пуговицы. Единственное, что выбивалось из этого серого защитного панциря — полыхающие лихорадочным зеленым огнем глаза и тонкая полоска неровного румянца на скулах.

У задней двери лимузина застыл Герман. Двухметровый начальник службы безопасности Ханского в глухом темном пальто стоял под моросью без зонта. Заметив Полину, он

молча, без единого лишнего движения, распахнул тяжелую дверь автомобиля.

— Доброе утро, Полина Сергеевна. Прошу в салон.

Полина стиснула зубы так, что челюсти свело судорогой. Ни звука не проронив, она перешагнула порог и скользнула на глубокое кожаное сиденье. Дверь захлопнулась с глухим вакуумным щелчком, отрезая шум пробуждающегося города.

Внутри пахло подогретой кожей тончайшей выделки, крепким горьким эспрессо и селективным табачным парфюмом, от которого у Полины мгновенно перехватило дыхание.

В противоположном углу широкого заднего дивана сидел Кирилл Ханский. Графитовый шерстяной костюм-тройка безупречно облегал его широкие плечи. Верхняя пуговица белоснежной сорочки была расстегнута, открывая мощную загорелую шею с бронзовым отливом. В левой руке он держал тонкую фарфоровую чашку, в правой — планшет с финансовыми сводками. При появлении Полины он медленно поднял тяжелый взгляд обсидиановых глаз.

Ханский отложил планшет, едва она села. Судя по нетрогнутому кофе, ее появления он ждал внимательнее, чем финансовых сводок.

— Без опозданий, Романова. Похвально, — его низкий вибрирующий голос прокатился по салону, заставив волосы на руках Полины встать дыбом. — Я уже начал думать, что тебе захочется поиграть в прятки и отправить брата встречать рассвет в изоляторе.

— Не дождетесь, Кирилл Владимирович, — отчеканила Полина, глядя ему прямо в переносицу. Она демонстративно поставила сумку между собой и ним, очерчивая границу. — Я выполняю условия вашей сделки. Пока вы не трогаете Дениса и квартиру матери, я присутствую в вашем холдинге. Но ни секундой дольше положенного.

Ханский усмехнулся одними уголками жестких губ, не разжимая челюстей:

— Ты выглядишь так, будто собралась на похороны, строптивая.

— Я собралась на работу, — отрезала она. — И если вы рассчитывали увидеть слезы раскаяния, советую сменить оптику.

Лимузин мягко рассекал утренний трафик в сторону Пресненской набережной. Двадцать минут пути прошли в звенящей тишине. Ханский листал графики, но Полина кожей чувствовала направленное на нее поле тяжести. Стоило ей повернуть голову к окну, как в темном отражении стекла она ловила его неотрывный, давящий прицел.

Башня «Ханский Плаза» встретила их зеркальным блеском семидесяти этажей, уходящих в свинцовые тучи. Скоростной приватный лифт поднял их на пятьдесят четвертый этаж за сорок секунд. Створки разъехались с тихим шелестом, открывая вход в двухуровневый пентхаус.

Пространство подавляло размахом: пятиметровые потолки, панорамная стена из прозрачного стекла с видом на утреннюю Москву, полированный светлый травертин и темные колонны из гранита. Холодная, стерильная роскошь абсолютной власти.

— Направо по коридору — гостевое крыло. Твоя спальня, — небрежно бросил Ханский, стягивая пальто и передавая его Герману. — Сорок минут на душ и сборы. В девять тридцать спускаемся в офис на сорок девятый.

Полина молча пошла по коридору. Гостевая спальня оказалась огромной комнатой с панорамным окном, кроватью под графитовым сатином и мраморной ванной. Но посреди

комнаты стояло то, что заставило ее застыть на месте, сжав кулаки.

Вдоль стены выстроились три хромированных рейла. На вешалках плотными рядами висели наряды: шелковые блузы изумрудного и винного оттенков, юбки из тончайшей шерсти, кашемировые брючные костюмы Logo Piana, обувные коробки с туфлями на шпильках и кружевное белье La Perla.

Возле рейлов суежилась ухоженная стилистка Инга:

— Доброе утро, Полина Сергеевна! Кирилл Владимирович лично утвердил капсулу. Изумруд — под цвет ваших потрясающих глаз. Вот эта шелковая блузка с воротником-аскот...

— Стоп, — ледяным тоном произнесла Полина. — Уведите это обратно. Все до последней вешалки и коробки.

Инга растерянно поправила очки:

— Но распоряжение генерального директора...

— Я нанята сотрудником холдинга, а не эскортницей на содержании вашего босса, — отрезала Полина. — Вон из комнаты. Живо.

Помощницы испуганно вжались в плечи.

— Какой богатый словарный запас, Романова. "Эскортница", "содержание"... Ты решила устроить митинг в моей спальне?

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Кирилл Ханский. Пиджак он уже снял: темно-серый жилет плотно облегал широкую грудь, а рукава сорочки были закатаны до

локтей, обнажая мускулистые предплечья с темными волосами.

— Вон, — не повышая голоса, скомандовал он стилистам.

Женщин словно ветром сдуло. Кирилл неторопливо подошел к Полине. Он остановился так близко, что тепло его тела пробивало разделяющие их сантиметры. Его обсидиановые глаза медленно опустились от ее лица к плечам и дешевому костюму.

— Ты испытываешь мое терпение, девочка, — тихо произнес он. — Думаешь, я стану тратить утро на твои капризы?

— Это не капризы, Ханский, — Полина высоко вскинула подбородок. — У меня есть свой костюм. Он чистый, выглаженный и отвечает всем нормам делового протокола.

Кирилл протянул руку. Его пальцы ухватили лацкан ее дешевого жакета, потянув на себя и сокращая дистанцию до опасного минимума. Запах его одеколона — горький бергамот, перец и табак — выбил воздух из ее легких:

— Этот кусок синтетики куплен на распродаже три года назад. Ты — мой личный спецпомощник. Тот, кто стоит по правую руку от меня перед министрами и банками. Мой бренд стоит сорок миллиардов. И я не позволю своей помощнице выглядеть как оборванка.

— Тогда увольте меня! — выплюнула Полина, пытаясь вырвать лацкан из его хватки.

Ханский потянул ее за лацкан еще ближе, словно собирал-

ся ответить прямо в лицо. Потом разжал пальцы, снял с рейла изумрудную шелковую блузку и брюки. Уложив вешалки на край кровати, достал складной нож и срезал бирки с шестизначными суммами. Затем сложил нож и снова поднял вешалки.

— Либо ты надеваешь эту блузку и брюки прямо сейчас,
— Кирилл протянул ей вешалки, буравя тяжелым взглядом,
— либо через пятнадцать минут я отменяю мораторий по квартире твоей матери по долгам "Апекса". Твоя мать вернется из школы и окажется на лестничной клетке с давлением за двести. Выбирай, строптивая. У тебя шестьдесят секунд.

Сердце Полины бешено заколотилось о ребра. Слезы ярости обожгли веки, но она заставила себя не моргать:

— Ты чудовище, Ханский.

— Я реалист, Полина. Время пошло.

Она сжала зубы и резким движением вырвала вешалки из его рук. Струящийся шелк коснулся ее пальцев прохладной мягкостью.

— Вон отсюда, — бросила она, разворачиваясь к ванной комнате.

— Двадцать минут. — Кирилл придержал дверь, пропуская ее в ванную, и только тогда отступил. — Жду у лифта.

В мраморной ванной Полина прислонилась спиной к холодной стене, унимая дрожь в коленях. Сбросив старую одежду, она надела изумрудную шелковую блузку. Ткань лег-

ла безупречно, повторяя линии тонкой талии, подчеркивая высокую грудь и ключицы. Брюки из тонкой шерсти обнимали бедра словно вторая кожа. В зеркале отразилась опасная, гордая женщина с пылающими глазами.

— Посмотрим, кто кого ломает, Ханский, — процедила она своему отражению.

Через двадцать минут она вышла в холл. Кирилл поднял голову от бумаг. В его обсидиановых зрачках полыхнула жадная, темная искра, а желваки на челюсти напряглись. Он захлопнул папку, так и не перевернув страницу:

— Другое дело. Спускаемся.

На сорок девятом этаже Полина шла рядом с ним под ошеломленными взглядами сотрудников. Кирилл толкнул массивную дубовую дверь своего кабинета.

Справа от входа возвышалась глухая стеклянная конструкция — отдельный бокс из смарт-стекла с белым столом, компьютером и креслом Herman Miller.

— Твое рабочее место, — Кирилл нажал кнопку на брелоке. Матовое стекло бокса мгновенно сбросило пленку, став идеально прозрачным. — Звукоизоляция стопроцентная. Но прозрачностью управляю я. Ты за стеклом, под моим полным контролем. В час — совещание с подрядчиками "Мон-блана". Жду сводку по негативным публикациям к полудню. Приступай.

Полина зашла в стеклянный бокс, створка защелкнулась магнитом. Сквозь хрустальную грань прямо перед ней сидел

Кирилл Ханский. И его немигающий тяжелый взгляд был прикован исключительно к ней.

Глава 6

К часу дня атмосфера на сорок девятом этаже накалилась до предела.

Полина не отрывала взгляда от экрана моноблока почти четыре часа подряд. Ее пальцы стремительно летали по клавишам, компилируя медиа-мониторинг: графики тональности, цитируемость в телеграм-каналах, выжимки заказных статей конкурентов по срыву сроков сдачи жилого кластера «Монблан». Она сознательно погрузилась в работу, выстраивая между собой и Ханским баррикаду из цифр и справок. Профессионализм был ее единственным щитом, и она намеревалась доказать этому самодовольному титану, что не уступит ему ни в чем.

Однако сохранять хладнокровие становилось все труднее.

В тринадцать ноль-ноль в просторном кабинете за стеклянной перегородкой началось расширенное совещание. За массивным столом из мореного дуба расселись ключевые фигуры холдинга: первый вице-президент Вадим Коршунов в темно-синем костюме Brioni, финансовый директор и двое генеральных подрядчиков по монолитным работам.

Перед приходом гостей Ханский снова сделал стекло матовым. Но стоило Коршунову открыть тяжелую папку с отчетом, как на столе шефа щелкнул пульт.

Смарт-стекло кабинки Полины мгновенно сбросило матовую пленку, превратившись в хрустальную грань.

Полина заставила себя не вздрогнуть. Она не подняла головы, продолжая вбивать данные в сводную таблицу. Но боковым зрением отчетливо видела каждую деталь по ту сторону стекла.

Кирилл Ханский сидел во главе стола, развалившись в глубоком кресле с небрежной грацией опасного хищника. Графитовый пиджак висел на спинке, жилет подчеркивал стальной каркас груди, а рукава сорочки были закатаны до мускулистых предплечий. В пальцах правой руки он лениво крутил тяжелое золотое перо Montblanc.

Он слушал докладчиков вполуха. Подрядчик нервно тыкал пальцем в чертежи, заикался на сметах монолитных перекрытий, то и дело вытирая платком взмокший лоб. Коршунов вставлял язвительные ремарки. Но Кирилл почти не смотрел на них.

Его тяжелый взгляд был неотрывно направлен сквозь стекло. Прямо на Полину.

Он разглядывал ее открыто, с ледяной, собственнической наглостью. Его обсидиановые глаза скользили по плавным изгибам ее шеи, задерживались на вырезе изумрудной шелковой блузки, где при каждом вдохе вздымалась грудь, ловили каждое движение ее пальцев на клавиатуре. Когда Полина, не выдержав напряжения, закусила нижнюю губу, зрачки Ханского заметно сузились, а челюсти сжались так, что на скулах заиграли жесткие желваки.

Подрядчик сбился на полуслове, заметив странную рассе-

янность шефа:

— Кирилл Владимирович... по второму пусковому комплексу... мы укладываемся в коридор, если...

Коршунов медленно повернул голову, проследил направление взгляда Ханского и замер. Тонкие губы вице-президента искривились в злой, ядовитой усмешке. Он узнал Полину. И прекрасно понял, почему генеральный директор впервые за пять лет пропустил мимо ушей трехмиллионный перерасход по смете. В глазах Коршунова мелькнула холодная зависть: салфетка с пари на миллион долларов в кармане пиджака явно обожгла его память.

Полина чувствовала эти взгляды кожей. Жар поднимался к щекам, кончики пальцев леденели. Ей безумно хотелось задернуть жалюзи — если бы они существовали. Но она упрямо смотрела в экран, выстукивая ритм опровержения для ТАСС.

— Совещание окончено, — перебил подрядчика низкий, металлический голос Ханского. — Сметы пересчитать по базовым индексам к девяти утра. Все свободны.

Подрядчики торопливо похватали бумаги и вышли из кабинета. Коршунов задержался у стола, бросив короткую реплику Кириллу, но тот сухо указал на дверь. Первый зам сдержанно кивнул, на секунду задержав ядовитый прищур на прозрачном боксе Полины, и удалился.

Через две минуты внешняя дверь приемной скрипнула. В кабинет вошел официант в белоснежном кителе из панорам-

ного ресторана этажом выше. Он толкал перед собой серебристый сервировочный столик под накрахмаленной льняной скатертью. На столике блестели купола серебряных клошей, хрустальный стакан и бутылка San Pellegrino.

Официант подошел к стеклянной двери Полины, постучал костяшкой пальца и приоткрыл створку:

— Полина Сергеевна? Обед от шеф-повара.

Ловким движением он выставил на приставной столик широкое блюдо из тонкого фарфора, снял серебряный клош: над сочными медальонами из телятины медиум-прожарки с хрустящей спаржей и соусом из белых грибов поднимался горячий пар. Следом появились салат с утиной грудкой и инжиром, теплые булочки и десерт из малины с мятой.

Аромат розмарина, поджаренного мяса и сливок заполнил стеклянный бокс. Желудок Полины предательски сжался — со вчерашнего вечера она выпила лишь полстакана воды. Но гордость вскипела быстрее голода.

— Унесите это обратно. — Полина отодвинула от тарелки рабочие бумаги, освобождая официанту место для подноса. — Я ничего не заказывала.

Официант замер с салфеткой в руках и оглянулся на Ханского.

Кирилл уже стоял в дверном проеме ее кабинки:

— Оставь поднос и свободен.

Официант поклонился и исчез, закрыв дубовую дверь. Полина демонстративно положила ладони на клавиатуру,

установившись в монитор. Она слышала неторопливые, тяжелые шаги Ханского за спиной. Он подошел к ее столу и остановился прямо напротив.

В замкнутом пространстве запах его тела — горячая мужская кожа, морозная свежесть, табак и черный перец — мгновенно вытеснил аромат ресторанных блюд.

Кирилл взял тяжелую фарфоровую тарелку с медальонами и со стуком поставил ее прямо на клавиатуру перед монитором, перекрыв ей доступ к клавишам.

— Ешь, — бросил он коротко.

Полина медленно подняла глаза. Ее изумрудный взгляд встретился с его обсидиановым прицелом:

— Уберите тарелку с моего компьютера, Кирилл Владимирович. Вы пачкаете технику холдинга.

— Техника холдинга принадлежит мне. Как и твоё рабочее время, — ответил Ханский, не шелохнувшись. — Ты с утра не съела ни крошки. Твои пальцы дрожат над клавишами, а в глазах плавают голодные круги. Я плачу за результат, а не за обмороки личного помощника.

— Вы не платите мне, вы меня шантажируете, — с ледяным презрением отчеканила она. — И в моем контракте нет пункта о принудительном кормлении. Я не принимаю от вас подачек. Я обедаю на свои деньги в столовой, когда наступит мой законный перерыв.

Лицо Ханского медленно окаменело. В темных глазах вспыхнуло опасное пламя.

Он шагнул вперед, уперся обоими кулаками в столешницу по обе стороны от ее кресла и навис над ней всей мощью своего тела, заперев в ловушку своих широких плеч.

Полина инстинктивно вжалась в спинку кресла. Их лица разделяло меньше десяти сантиметров. Она чувствовала жар его груди и тяжелое, ровное дыхание. Его обсидиановые зрачки расширились, а взгляд упал на ее приоткрытые губы.

— Послушай меня внимательно, строптивая, — его голос понизился до глухого, вибрирующего шепота, от которого у Полины внутри все оборвалось и ухнуло в бездну. — Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно. Можешь проклинать каждую секунду в этой башне. Но морить себя голодом на моих глазах ты не будешь.

— Вы не можете заставить меня...

— Могу, — перебил он, наклоняясь еще ближе. Его губы почти коснулись ее виска, опалая кожу горячим воздухом. — Либо ты берешь эту вилку и съедаешь мясо прямо сейчас. Либо я сажусь в это кресло, беру тебя на колени и лично скормливаю каждый кусок. Открывая твой дерзкий рот своими пальцами. Хочешь проверить, хватит ли у меня наглости?

Полина задохнулась. В висках бешено застучала кровь. Она смотрела на его чувственные губы, на трехдневную щетину вдоль квадратной челюсти, на пульсирующую жилку у него на шее. Она знала: он сделает это. Без тени сомнения.

И хуже всего было то, что от одной мысли о его пальцах

на своих губах, о тяжести его мускулистого тела по ее венам прокатилась обжигающая волна постыдного жара. Низ живота сладко свело судорогой.

Она сжала кулаки, борясь с собственным предательским телом:

— Вы чудовищный собственник, Ханский.

— Я хозяин положения, Романова. Бери вилку.

Полина медленно протянула руку к столу. Ее пальцы коснулись полированного серебра вилки. Случайно ее мизинец задел костяшку его пальца на столешнице.

Разряд тока был мгновенным. Полина вздрогнула, но не отдернула руку. Кирилл тоже замер — она отчетливо увидела, как расширились его ноздри, когда он жадно вдохнул аромат ее волос.

Она отломила серебряной кромкой кусок нежнейшей телятины в грибном соусе. Поднесла ко рту и медленно, с демонстративным вызовом отправила внутрь.

Мясо таяло на языке, горячее и сочное. Но Полина не позволила себе закрыть глаза. Она продолжала буравить Ханского взглядом, медленно пережевывая каждый кусочек, словно бросая ему вызов с каждым движением челюсти:

— Довольны, Кирилл Владимирович? Ваша тираническая натура удовлетворена?

Ханский не пошевелился. Он продолжал нависать над ней, глядя на ее влажные губы темным, потяжелевшим взглядом. В его глазах полыхнуло что-то настолько дикое и

откровенное, что Полине показалось, будто стекло вокруг начинает плавиться.

— Очень доволен, колючка, — выдохнул он хрипло. — Съешь спаржу. И десерт. Если через пятнадцать минут тарелки не будут пустыми, мы вернемся к варианту с моими коленями.

Он медленно выпрямился во весь рост. Развернулся и широкими шагами вышел из кабинки.

Полина осталась сидеть в кресле, прижимая дрожащие пальцы к вискам. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Сквозь стекло она видела Ханского, который уже открыл новую папку.

Он победил в этом раунде. Но война только начиналась.

Глава 7

В два часа ночи город за панорамными стеклами пентхауса казался гигантской картой из жидкого золота и черного бархата. Огни Садового кольца, росчерки фар на набережных, далекие рубиновые маяки на верхушках соседних небоскребов — все это мерцало в глубокой тишине, не способной принести успокоение.

Полина лежала на огромной кровати в гостевой спальне, уставившись в темный потолок.

Сон не шел. Стоило ей закрыть глаза, как в памяти с пугающей четкостью вспыхивали картины прошедшего дня: тяжелый взгляд Ханского через прозрачную стену, его горячие ладони на краю ее стола, запах его кожи — терпкий бергамот и перец, от которого кружилась голова, — и его хриплый шепот: «Либо я беру тебя на колени и лично скармливаю каждый кусок...»

Полина перевернулась на живот, уткнувшись лицом в прохладную сатиновую подушку, и тихо застонала от бесильной ярости. Ее тело помнило каждое мгновение этой опасной близости. Мышцы живота ныли от странного, тягучего напряжения, которое не удавалось заглушить никакими логическими доводами.

Она села на постели. В горле пересохло, словно она несколько часов глотала раскаленный песок.

На ней был легкий пижамный комплект из тончайшего изумрудного шелка — один из тех, что стилисты оставили в гардеробной: свободные струящиеся брюки и топ на тонких бретелях. Белья под топом не было, и прохладный воздух кондиционера приятно охлаждал обнаженные плечи и ключицы. Густые каштановые волосы с медным отливом тяжелыми волнами рассыпались по спине.

Полина бесшумно поднялась, не надевая тапочек. Ступая босыми ногами по гладкому темному паркету, она приоткрыла дверь спальни и выскользнула в коридор.

В пентхаусе царил глубокий полумрак. Лишь вдоль плинтусов тянулась узкая полоса приглушенной синей светодиодной подсветки, очерчивая контуры гигантской гостиной. Тишина стояла почти осязаемая — даже шум вентиляции казался замершим. Полина была уверена, что Ханский спит в своем хозяйском крыле на втором ярусе.

Она пересекла просторную гостиную, направляясь к открытой кухне.

Центром кухонной зоны служил монументальный остров из цельного куска черного полированного гранита Nero Marquina с белыми прожилками. На зеркальной рабочей поверхности тускло поблескивал хромированный корпус кофемашины Jura.

Полина подошла к аппарату, коснулась сенсорного дисплея. Негромкий звуковой сигнал в ночной тишине показался ей оглушительным. Она торопливо выбрала режим подогрева воды для чая, чтобы не будить дом грохотом кофемолки. Машина тихо заурчала, наполняя фарфоровую чашку прозрачным кипятком, и тонкая струйка пара взметнулась в полумрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.